

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК [821.161.1.091-31+821.161.3.091-31]"1950/1999"(043.3)

КРИКЛИВЕЦ
Елена Владимировна

**ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ МОДИФИКАЦИЯ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ И МОДЕРНИСТСКОЙ
ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

по специальностям 10.01.02 – русская литература,
10.01.01 – белорусская литература

Минск, 2021

Работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный консультант	Гончарова-Грабовская Светлана Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета
Официальные оппоненты:	Цветова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» ФГБОУ ВО «Санкт- Петербургский государственный университет»
	Мельникова Зоя Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусской филологии УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»
	Тарасова Тамара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусской и зарубежной литературы УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
Оппонирующая организация	ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»

Защита диссертации состоится «26» февраля 2021 г. в 13⁰⁰ часов на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.12 при Белорусском государственном университете (220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, филологический факультет, ауд. 62; тел. ученого секретаря: 378-63-78).

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан « » января 2021 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

Н. Н. Хмельницкий

ВВЕДЕНИЕ

Сравнительное изучение литератур – одно из приоритетных направлений современной филологии. Данный подход позволяет выявить творческую неповторимость произведения и национальную традицию посредством раскрытия литературных и социокультурных связей, формирует открытость сознания к восприятию и критической интерпретации инонациональных культурных смыслов.

Научная идея данной диссертационной работы состоит в сопоставительном изучении близкородственных литератур в рамках одного социокультурного периода. В центре исследовательского внимания находится жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века. Этот синхронический срез представляется весьма репрезентативным, что объясняется рядом причин.

В обозначенный период реалистическая парадигма претерпевает очевидную эволюцию. В середине 1950-х – 1960-е годы в творчестве некоторых представителей военной и «деревенской» прозы намечаются тенденции к выходу за рамки соцреалистической эстетики (игнорирование требований нормативной литературы) и возвращению в русло классического реалистического искусства. Динамика художественной парадигмы обусловлена изменением философской парадигмы «человек–мир», зарождением новой «идеи человека». Человек перестает осмысливаться только как средство общественных преобразований. Актуальным становится вопрос о самоидентификации личности, для белорусской литературы это еще и вопрос о национальной самоидентичности. В литературе появляются попытки постичь сущность национального (а не советского) характера, определить внутреннюю, психологическую детерминацию личности, акцентировать внимание на морально-этической проблематике.

Переходом от идеологически ангажированного письма к психологизации прозы объясняется интенсификация жанра повести в литературе второй половины XX века. В творчестве русских (В. Распутин, Г. Бакланов, Ю. Трифонов, В. Тендряков и др.) и белорусских (В. Быков, И. Пташников, В. Карамазов, Б. Саченко и др.) писателей повесть занимает ведущее место. Проблемное поле реалистической повести предполагает освещение духовной эволюции героя на фоне «микросреды», в контексте его ближайшего окружения. При этом в лучших образцах жанра

«микросреда» выступает моделью «макромира», становится средством раскрытия различных аспектов социальных отношений, общественного сознания, формой выражения мировосприятия, присущего эпохе. Таким образом, жанр повести, с одной стороны, позволил писателям уйти от избыточной заостренности социальной проблематики в сферу межличностных взаимоотношений, психологического анализа характеров; а с другой – помог через «частное» выразить определенные конфликты и противоречия эпохи.

Апелляция к общечеловеческим нравственным и культурным ценностям способствовала формированию особого типа художественного мышления. В русской и белорусской прозе 1970–1980-х годов происходит активизация мифопоэтических архетипов, наблюдается синтез с элементами романтической, модернистской эстетики, что можно проследить в повестях Ф. Искандера, В. Козько, В. Короткевича, Я. Сипакова, А. Боровского и др. Мифопоэтизм характеризуется укорененностью в универсальных гуманистических константах национальной специфики (это особенно характерно для белорусской литературы). Поэтика таких произведений отражает новые интенции в художественной системе.

Развитие русской и белорусской литературы в 1980–1990-е годы, с одной стороны, демонстрирует завершение определенного социокультурного этапа, с другой – свидетельствует о начале нового исторического и культурного цикла (что подтверждает переходный характер повестей Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, А. Курчаткина, А. Глобуса, О. Минкина, В. Гигевича, Ю. Станкевича и др.). Примечательно, что жанр повести, претерпевая различные модификации, удовлетворяет эстетические потребности как классической, так и неклассической художественной парадигмы. Взаимодействуя с иными жанровыми структурами, повесть осваивает новые познавательные формы, отражает усложнившиеся отношения между человеком и миром, сохраняя при этом свою каноническую завершенность.

Методологическую базу нашего исследования составили как достижения жанрологии прошлого столетия (А. И. Кузьмин, Н. Л. Лейдерман¹, Б. С. Мейлах², Н. П. Утехин, О. М. Фрейденберг³,

¹ Лейдерман, Н. Л. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. / Н. Л. Лейдерман. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 254 с.

² Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра / под ред. Б. С. Мейлаха. – Л. : Наука, 1973. – 565 с.

³ Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг; подг. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. – М. : Лабиринт, 1997. – 286 с.

Л. В. Чернец⁴; Н. Пирсон, М. Уитц, Р. Уэллек⁵, О. Уоррен, Д. Фишелов⁶, П. Хернади⁷, Р. Эллиот и др.), так и результаты, к которым пришли российские (С. Н. Бочарова, В. М. Головки⁸, Л. В. Савелова, О. И. Плешкова, Н. Д. Тмарченко⁹ и др.) и белорусские (А. Н. Андреев, А. Н. Макаревич, Л. Д. Синькова¹⁰, В. М. Смаль и др.) современные литературоведы, активно работающие в данной области.

Способность повести к видовым взаимодействиям, стилистической трансформации, расширению проблемно-тематического спектра, универсализации эстетической системы обуславливает актуальность и перспективность изучения жанра на всех этапах развития филологической науки. Об этом свидетельствует интерес исследователей к эволюции жанра повести в национальных литературах (А. С. Бекмезян¹¹, С. А. Тюбеева и др.). При этом особенно продуктивным представляется жанрово-стилевой подход к определению жанровых разновидностей повести, позволяющий учитывать и тематическую детерминацию, и жанровую доминанту, и стиливые особенности повести в ее развитии.

Таким образом, **актуальность темы** настоящего диссертационного исследования определяется

– отсутствием системного сопоставительного изучения русской и белорусской прозы второй половины XX века в ее жанровой и стиливой динамике, что обуславливает неполноту представлений о литературном процессе в целом и конкретно – о русско-белорусских литературных взаимосвязях обозначенного периода;

– недостаточным вниманием литературоведов к жанровой специфике и тенденциям жанровой модификации русской и белорусской повести в синхроническом и диахроническом аспектах;

⁴ Чернец, Л. В. Литературные жанры: Проблемы типологии и поэтики / Л. В. Чернец. – М. : Издательство МГУ, 1982. – 192 с.

⁵ Уэллек, Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М. : Прогресс, 1978. – 325 с.

⁶ Fishelov, D. Genre theory and family resemblance – revisited / D. Fishelov // Poetics. – 1991. – Vol. 20, № 1. – P. 123–138.

⁷ Hernadi, P. Beyond Genre: New Directions in Literary Classification / P. Hernadi. – Ithaca, 1972. – 224 p.

⁸ Головки, В. М. Историческая поэтика русской классической повести / В. М. Головки. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 274 с.

⁹ Тмарченко, Н. Д. Русская повесть Серебряного века: проблемы поэтики сюжета и жанра : монография / Н. Д. Тмарченко. – М. : Intrada, 2007. – 256 с.

¹⁰ Корань, Л. Д. Беларуская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур / Л. Д. Корань. – Мінск : ВПП «Новік», 1996. – 158 с.

¹¹ Бекмезян, А. С. Жанр повести в новой армянской литературе / А. С. Бекмезян. – Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1984. – 120 с.

- отсутствием универсальной модели жанровой структуры повести в современном понимании жанра и концептуального исследования типологии и поэтики повести второй половины XX века;
- необходимостью дальнейшего изучения эстетических особенностей, взаимодействия и взаимовлияния реализма и модернизма во второй половине XX века через призму категории жанра;
- перспективностью исследования белорусской литературы в ее взаимодействии с инациональными культурными кодами с целью выявления как общих тенденций развития литературного процесса, так и констант национально-культурной парадигмы, что представляется важным для создания объективной картины развития белорусской литературы второй половины XX века.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами и темами

Диссертационное исследование связано с государственной плановой научной темой, которая разрабатывалась на кафедре литературы учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»: «Аксиологический диапазон художественной литературы» в рамках темы «Язык и литература как главные духовные ценности: социологический, лингвокультурологический, когнитивный и образовательный аспекты» (2017–2022 гг., приказ ВГУ имени П. М. Машерова № 11-н от 14.02.2017 г.). Исследования по теме диссертации проводились в рамках выполнения проекта ГПНИ «Художественная репрезентация нравственно-духовных основ национального характера в современной белорусской литературе» (2016–2018 гг., государственный регистрационный номер 20160436 от 22.06.2016 г.). Кроме того, соискателем был получен грант Министерства образования Республики Беларусь на 2018 год на выполнение научно-исследовательской работы докторанта за счет средств республиканского бюджета по теме «Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект» (государственный регистрационный номер 20180566 от 02.05.2018 г.).

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования – выявить особенности жанрово-стилевой модификации повести в русской и белорусской

реалистической и модернистской прозе второй половины XX века в сравнительно-типологическом аспекте. Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1) систематизировать исследовательские подходы к изучению эпических форм в литературоведении, на основании чего разработать собственную концепцию изучения жанрового своеобразия и жанровых границ повести, обосновать жанровый вектор повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века;

2) определить общие закономерности и национальную специфику развития русской и белорусской повести во второй половине XX века;

3) выявить особенности жанрово-стилевой модификации русской и белорусской реалистической повести второй половины XX века;

4) раскрыть трансформацию морфологического и семантического уровней повести в интеграции модернизм–реализм;

5) обосновать специфику повести в модернистском дискурсе русской и белорусской литератур указанного периода.

Объект исследования. Объектом исследования являются реалистические и модернистские повести русских и белорусских писателей второй половины XX века. Эмпирическая база исследования определяется привлечением для детального анализа или в качестве контекста 365 повестей. Круг изучаемых произведений включает в себя как явления высокого эстетического уровня (повести Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, Ф. Искандера, Л. Петрушевской, В. Распутина, Ю. Трифонова, В. Быкова, В. Козько, А. Кудравца, И. Пташникова, И. Шамякина и др.), так и произведения, пока не вошедшие в активный научный оборот, однако отражающие основные тенденции жанрово-стилевой модификации повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века. Авторы анализируемых повестей – представители разных поколений, однако их проза имеет не только индивидуально-авторскую и национальную специфику, но и общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, ключевыми способами моделирования художественной концепции универсума.

Предмет изучения – жанрово-стилевая модификация повести в творчестве русских и белорусских писателей второй половины XX века (сравнительно-типологический аспект).

Научная новизна. Диссертационная работа является первым в белорусском и российском литературоведении исследованием жанрово-стилевой модификации повести во второй половине XX века. Работа имеет научную значимость и в связи с сопоставительным ракурсом изучения проблемы, и в связи с масштабностью, значительностью эмпирического материала, его репрезентативными возможностями.

В диссертационной работе впервые

- разработана концепция изучения жанрового своеобразия и жанровых границ повести, на основании которой представлена модель (инвариант) жанровой структуры повести; установлена жанровая парадигма повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе исследуемого периода;
- проведено сопоставительное исследование жанрово-стилевого развития русской и белорусской повести во второй половине XX века;
- определены социально-исторические и культурные факторы, обусловившие национальное своеобразие русских и белорусских повестей исследуемого периода;
- выявлены типологические особенности жанровой модификации русской и белорусской повести в стилевом поле реализма (лирико-психологическая, нравственно-философская, социально-психологическая повесть);
- прослежена трансформация повести в интеграции модернизм–реализм (социально-психологическая повесть, повесть-антиутопия);
- раскрыта специфика повести в модернистском дискурсе (социально-психологическая повесть, повесть-притча) в сопоставительном аспекте;
- конкретизированы русско-белорусские литературные взаимосвязи второй половины XX века на уровне аксиологического диапазона русской и белорусской повести;
- частично расширен контекст русских и белорусских повестей за счет включения в научный обиход новых художественных текстов.

Положения, выносимые на защиту

1. Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской повести второй половины XX века отражает основные векторы развития литературного процесса исследуемого периода, демонстрирует общие закономерности этого процесса (смена концепции личности, коммуникативной стратегии, художественного метода) и национальную специфику (национально-культурный компонент жанрового содержания, способы репрезентации национального характера и др.). Жанр повести

обладает когнитивной и коммуникативной мобильностью при сохранении канонической структуры. Строеение и внутренняя организация целостной жанровой модели повести включают в себя семантическую (*жанровое содержание, субъектная организация, тип героя, пространственно-временная организация*) и морфологическую (*коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация, речевая организация*) составляющие. Повесть представляет собой эпический жанр, для которого характерен индуктивный способ постижения действительности. Изображение частного опыта экстраполируется на всю совокупность подобных исторических, социальных, культурных явлений, оказываясь метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи, что порождает особое соотношение субъективного и объективного начал.

2. Трансформация русской и белорусской **реалистической повести** второй половины XX века **на семантическом уровне** обусловлена изменением авторских подходов к художественному осмыслению концепции личности (от исключительной личности идеологической прозы к приемам типизации). Актуализация различных жанровых разновидностей повести отражает этапы этой трансформации: 1950–1960-е годы – доминирует *лирико-психологическая повесть* (внутренние переживания, движения души героя); 1960–1970-е годы – преобладает *нравственно-философская повесть* (экзистенциальная проблематика, усиление апокалипсических мотивов); 1970–1990-е годы – ведущие позиции занимает *социально-психологическая повесть* (попытка формирования аксиологических ориентиров вместо утраченных идеологических). *Субъектная организация* реалистической повести второй половины XX века характеризуется преобладанием рефлексивной субъективности и диегетического типа нарратора. Герой *лирико-психологической* и *нравственно-философской* повести – это *герой в ситуации нравственного выбора, итогом которого становятся духовная гибель или его духовная эволюция* (в «деревенской прозе» это *герой, утрачивающий связь с малой родиной или аккумулирующий память о народных морально-этических устоях*). Социально-психологическая повесть исследует психологию «продукта эпохи» (*герой-конформист, герой-приспособленец, антилидер, человек свиты, человек без моральных ориентиров*); в контексте военной прозы традиционно раскрывает и образы *невоенного человека на войне, «детей войны», солдата на «новой войне»*, выявляет *генезис и психологию фашизма*. *Пространственно-временная организация* русской и белорусской реалистической повести

во второй половине XX века подверглась наименьшим изменениям (конкретика локуса и временного отрезка, имеющая метонимическое значение), что помогло сохранить видовую целостность повести.

3. Модификация *морфологической составляющей* русской и белорусской *реалистической повести* связана с неоднократной сменой *коммуникативной стратегии* художественной прозы на исследуемом этапе развития литературного процесса (новый характер трактовки героизма, осмысление онтологической проблематики). Это обусловило изменения в *сюжетно-композиционной организации* произведений: психологизацию конфликта, трансформацию его из внешнего во внутренний – в *лирико-психологической повести*; интерпретацию евангельской притчи о блудном сыне – в *нравственно-философской повести* (утрата дома-семьи и связи с родными корнями – в русской прозе, необходимость возвращения и сохранения национальных основ – в белорусской прозе); взаимодействие жанровых структур, появление новых форм на «стыке» публицистики и художественной литературы – на основе *социально-психологической повести*. *Стилевая эволюция* реалистической повести второй половины XX века определяется процессом преодоления как русскими, так и белорусскими прозаиками канонов соцреалистической эстетики (через взаимодействие с элементами сентиментализма, романтизма, натурализма), доминированием экзистенциальных ситуаций, использованием неомифологических приемов моделирования реальности, переходом в русло социально-психологического реализма (в русской литературе), активной интеграцией реализма и модернизма – в белорусской литературе.

4. Модификация повести *на семантическом и морфологическом уровнях в интеграции модернизм–реализм* проявляется в таких жанровых разновидностях, как *социально-психологическая повесть* (представлена и в русской, и в белорусской прозе исследуемого периода, продолжает традиции реалистической повести, обновляя их новыми эстетическими интенциями: осваивает фантастические, гротескные, неомифологические способы художественного миромоделирования); *повесть-антиутопия* (преобладает в русской прозе; в зависимости от содержательной доминанты – *политическая, идеологическая, социально-психологическая, технократическая и семейная*). В сфере *субъектной организации* происходят замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим, чередование приемов внешней и внутренней фокализации. Типология героев *социально-психологической повести*

в интеграции модернизм–реализм представляет интерпретацию литературного типа «маленького человека»: *герой-маргинал*, «*песчинка истории*», *обитатель социального «дна»*, *трикстер*, *герой-исполнитель*. *Повесть-антиутопия* актуализирует образы героев, обеспечивающих сбой ритуализированной социальной системы, персонажей с визуализированной инаковостью: *имеющих физические или умственные отклонения, но наполненных духовно*. Модернистские интенции в значительной степени не повлияли на *пространственно-временной континуум* повести: он имеет вполне определенные границы, усиливается лишь иносказательное значение. Морфологические изменения повести связаны с появлением новой *коммуникативной задачи*: отразить социальные проблемы современности в аллегорическом ключе. Это обусловило трансформацию *сюжетно-композиционной организации* произведений: использование иносказательных, метафорических способов воплощения социального конфликта (*социально-психологическая повесть*); изображение двух равноценно неблагоприятных социумов вместо оппозиции реального и альтернативного миров (*повесть-антиутопия*). Основные *стилевые изменения* русской и белорусской повести на стыке художественных систем проявляются в апелляции к традициям экзистенциальной и карнавальной литературы, актуализации сюрреалистической эстетики; синтезе реалистического и фантастического, реалистического и мифологического.

5. Трансформация повести *на семантическом и морфологическом уровнях в модернистском дискурсе* проявляется в русской прозе преимущественно в жанровой разновидности *социально-психологической повести*, в белорусской прозе – в *повести-притче* (варианты – *притча*, «*прыпавесць*», *публицистическая проповедь*, *парабола*). *Субъектная организация социально-психологической повести* характеризуется доминированием автодигетического нарратора, в *повести-притче* происходит апелляция к сказовому нарративу. В *социально-психологической повести* формируется *тип героя, стремящегося преодолеть несовершенство внешнего мира и обрести духовную свободу* (в белорусской прозе духовная свобода отождествляется с обретением национальной идентичности). Библейская ориентированность *повести-притчи* определила специфику образов «*бывших людей*» (в белорусской прозе) и *героев-юродивых* (в русской прозе). Белорусскую метафорическую повесть с русской антиутопической роднит образ *героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными «*полюсами*» художественной

модели мира. В модернистском дискурсе *пространственно-временная организация повести* реализует принцип двоемирия через оппозицию реального и идеализированного (ирреального) мира, реального (исторического) времени и субъективного времени героя. *Коммуникативная задача социально-психологической повести* заключается в изображении абсурдности окружающей действительности, враждебности внешнего мира к человеку и попытки преодолеть кризис трансцендентными способами. *Повесть-притча* актуализирует аксиологические представления, опираясь на традиционные ценности, национальные архетипы (на уровне *сюжетно-композиционной организации* происходит интерпретация библейских сюжетных схем).

Личный вклад соискателя

Диссертация является самостоятельным исследованием автора.

Апробация результатов диссертации

По теме исследования были сделаны доклады и сообщения на следующих конференциях: XVIII (65), XX (67), XXI (68), XXIII (70), XXV (72) Региональных научно-практических конференциях преподавателей, научных сотрудников и аспирантов «Наука – образованию, производству, экономике» (Витебск, 13–14 марта 2013 г.; 12–13 марта 2015 г.; 11–12 февраля 2016 г.; 15 февраля 2018 г.; 20 февраля 2020 г.); международной научной конференции «Славянские литературы в контексте мировой, посвященной 900-летию Кирилла Туровского и 200-летию Тараса Шевченко (Минск, 24–26 октября 2013 г.); IX Международной научной конференции «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология» (Витебск, 14–16 ноября 2013 г.); III Международной научной конференции «Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI веков» (Минск, 8–10 апреля 2014 г.); международной научно-практической конференции «Победа – одна на всех» (Витебск, 24 апреля 2014 г.); международной научной конференции «И открой в себе память», посвященной 90-летию В. П. Астафьева (Санкт-Петербург, РАН, 18–20 мая 2014 г.); V Всероссийской научной конференции с международным участием «Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе» (Томск, 15–16 сентября 2014 г.); международной научной конференции «Запечатленная Победа: ключевые образы, концепты, идеологемы» (Санкт-Петербург, РАН, 29–30 апреля 2015 г.); международной научной конференции «Славянские литературы в контексте мировой», посвященной 750-летию со дня рождения Данте

Алигьери и 85-летию Владимира Короткевича (Минск, 22–24 октября 2015 г.); международном научном семинаре «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» (Красноярск, 16–19 ноября 2015 г.); II Республиканской научно-практической конференции «Белорусский язык и литература в славянском этнокультурном контексте» (Витебск, 19–20 ноября 2015 г.); международном фестивале культуры и литературы «Грузинская весна» (Тбилиси, 30 мая – 7 июня 2016 г.); международной научной конференции «Романовские чтения – 12» (Могилев, 23–24 ноября 2016 г.); II Международной научной конференции «“ФИЛКО” – Филология, культура, образование» (Воронеж, 10–12 марта 2017 г.); международных научных конференциях «Аксиологический диапазон художественной литературы» (Витебск, 23–24 марта 2017 г.; 16–17 апреля 2020 г.); международной литературной конференции «Литература и современность: из авангарда в арьергард и когда обратно» (Калининград, 5–6 июня 2017 г.); всероссийской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. Г. Распутина «Валентин Распутин. Правда памяти» (Иркутск, 30 сентября – 2 октября 2017 г.); литературной научно-практической конференции «Эхо войны в творчестве современных русских и русскоязычных писателей» в рамках V Международного литературного форума «Славянская лира – 2018» (Минск, 31 мая – 3 июня 2018 г.); IV Международной научной конференции «Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI веков», посвященной 100-летию А. И. Солженицына (Минск, 25–26 октября 2018 г.); всероссийском научно-методическом форуме «Филология: современное состояние и перспективы» (Великий Новгород, 24–25 мая 2019 г.); международной научной конференции «Мусатовские чтения – 2019. Художественные традиции в русской литературе XX–XXI веков» (Великий Новгород, 26–27 сентября 2019 г.); VIII Санкт-Петербургском международном культурном форуме (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.); республиканской научно-практической конференции «Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце» (Витебск, 20–21 ноября 2019 г.); международной научной конференции «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков» (Архангельск, 27–28 февраля 2020 г.).

По материалам диссертации в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова с 2015 года соискателем читается

курс лекций «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа» для студентов второй ступени высшего образования, обучающихся на специальности 1-21 80 10 Литературоведение (разработаны и изданы соответствующие методические рекомендации).

Опубликованность результатов исследования

Основные положения диссертации изложены в 44 публикациях: 1 авторская монография (12,6 авторского листа); 2 коллективные монографии (4 авторских листа); 18 – в научных изданиях, рекомендованных ВАК Беларуси (9 авторских листов); 11 – в научных сборниках (5 авторских листов); 9 – в материалах научных конференций (2,3 авторского листа), 1 методические рекомендации (2 авторских листа); 2 – в учебно-методических комплексах (3 авторских листа). Общий объем опубликованных материалов составляет 37,9 авторского листа.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, трех глав, заключения и библиографического списка. Полный объем работы – 261 страница (основной текст занимает 229 страниц), список использованных источников включает 426 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе **«Жанр повести как объект литературоведческих исследований»** анализируются связанные с темой диссертации теоретические вопросы.

В разделе 1.1 **«Жанр повести в системе эпических форм. Исследование повести в диахроническом аспекте»** прослеживается генезис жанра. Жанровый канон повести начал формироваться уже в древнерусской литературе. В течение нескольких веков происходило становление повести как самостоятельного эпического жанра. Расширение тематических границ повести, ее стилевая трансформация осуществлялись под влиянием ключевых социально-исторических и эстетических тенденций. Окончательное оформление жанра в его современном понимании произошло в XIX веке в русской литературе и в начале XX – в белорусской. Повесть демонстрирует способность к видовым взаимодействиям, расширению проблемно-тематического спектра, универсализации эстетической системы. Изучение жанровой модификации повести позволяет проследить преемственность литературной традиции,

процесс зарождения и формирования новых эстетических методов и приемов на основе накопленного художественного опыта.

Истоки жанровой теории содержатся в трудах Аристотеля, Н. Буало, Г. Ф. Гегеля, В. Г. Белинского. В диссертационном исследовании предпринята попытка систематизировать подходы к дифференциации повести в ряду других эпических форм. В разделе дается обзор ведущих научных работ, посвященных проблеме жанра, в российском (Г. Н. Пospelов, Г. М. Фридендер, И. К. Кузьмичев, С. Л. Страшной, Д. Д. Благой, О. М. Фрейденберг, Д. С. Лихачев, В. Я. Пропп, М. М. Бахтин, Л. В. Чернец, Н. Л. Лейдерман, Н. П. Утехин, А. И. Кузьмин и др.), белорусском (И. П. Чигрин, В. В. Борисенко, П. К. Дзюбайло, В. П. Журавлев, А. П. Матруненко и др.) и зарубежном (Р. Уэллек, О. Уоррен, П. Хернади, М. Мандельбаум, Р. Эллиот, П. Альперс, К. Гильен, Ю. Марголин, М. Уитц, А. Фаулер, П. ван Тигем, Дж. Клайнер, К. Берк, Д. Фишелов и др.) литературоведении XX века.

Опираясь на достижения жанрологии прошлого века, на работы современных российских (С. Н. Бочарова, В. М. Головки, Л. В. Савелова, О. И. Плешкова, Н. Д. Тamarченко и др.) и белорусских (Л. Д. Синькова, А. Н. Макаревич, В. М. Смаль, А. Н. Андреев и др.) ученых и обобщая их основные положения, автор диссертации предлагает дефиницию повести.

Повесть – это эпический жанр, для которого характерен индуктивный способ постижения действительности. Изображение частного опыта экстраполируется на всю совокупность подобных исторических, социальных, культурных явлений, оказываясь метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи.

В разделе 1.2 **«Жанрообразующие факторы повести»** разрабатывается двуплановая модель жанровой структуры повести.

Семантическая составляющая включает в себя *жанровое содержание* (когнитивная ориентация жанра, способ познания и отражения определенных сторон действительности, способ художественного миромоделирования), *субъектную организацию* (особенности нарратива), *тип героя* (концепция личности, характерная для конкретной культурно-исторической эпохи), *пространственно-временную организацию* («координаты» художественной модели мира).

Морфологическая составляющая включает в себя *коммуникативную стратегию* (модель взаимодействия автора с читателем, обусловленная коммуникативной ситуацией на определенном этапе социального и культурного развития общества), *сюжетно-композиционную организацию*

(доминантная коллизия, тип конфликта), *речевую организацию* (стилистическое единство произведения, формирующееся взаимодействием художественного метода и индивидуально-авторских особенностей).

Предложенная модель жанра представляет собой обобщенную схему, бесконечно воспроизводимую в каждом конкретном произведении. Варианты воспроизведения зависят от комплекса факторов как литературного, так и внелитературного характера.

Видовую целостность повести обеспечивают жанровые доминанты: *жанровое содержание и пространственно-временная организация*, – поскольку актуализация различных жанровых разновидностей повести происходит в границах объема ее жанрового содержания, чем объясняется сохранность канона. Эту же задачу решает и пространственно-временной континуум повести, интегрирующий конкретику локуса и временного отрезка.

Жанровые модификации повести обусловлены разнообразием способов субъектной организации, типов героев (на семантическом уровне); многообразием моделей взаимодействия автора с читателем, типов конфликтов и эстетических решений (на морфологическом уровне).

В разделе 1.3 **«Причины возникновения жанрово-стилевых модификаций. Внутрижанровая типология повести»** отмечается, что трансформация жанровых форм подчинена как индивидуально-авторским поискам, так и социально-историческим изменениям и связанным с ними переменам в общественном сознании. Мобильность жанра является необходимым условием для его существования, в противном случае он становится «памятником» определенной культурно-исторической эпохе. Во второй половине XX века жанр повести, попадая в стилевое поле социалистического реализма, реализма, модернизма, претерпевает трансформацию, обусловленную задачами и потребностями времени, сохраняя при этом свою каноническую завершенность, что обеспечивает преемственность традиций.

В литературном процессе можно выделить два ключевых направления модификации жанровой системы: интеграцию и дифференциацию жанровых структур. Обе эти тенденции нашли отражение в развитии прозаических жанров во второй половине XX века. Первая заключается в процессе циклизации повествовательных форм в 1970–1980-е годы (появление повестей в новеллах, повествований в рассказах, циклов повестей). Этот процесс получил условное определение «романизации» повести. Вторая тенденция проявилась в

литературе последних десятилетий прошлого века и отразила принцип деконструкции, присущий неклассической эстетике.

В литературоведении существует несколько подходов к классификации жанровых разновидностей повести: *по идейно-тематическому принципу, в зависимости от сюжетно-композиционных особенностей*. На современном этапе особенно продуктивным представляется *жанрово-стилевой подход*, позволяющий учитывать и тематическую детерминацию, и жанровую доминанту, и стилевые особенности повести в их развитии.

Изучение жанровой и стилевой модификации повести, классификация ее жанровых разновидностей по данному принципу дают возможность определить, какие аспекты отношений между личностью и действительностью в конкретный период подвергались творческому осмыслению (а значит, были особенно актуальны), какие стилистические приемы для этого использовались. Таким образом, жанровая динамика является отражением исторических и эстетических преобразований.

Во второй главе **«Реалистическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века»** на примере ключевых жанровых разновидностей повести рассматривается семантическая и морфологическая трансформация жанра в стилевом поле реализма.

В разделе 2.1 **«Жанр повести в контексте реалистической парадигмы второй половины XX века»** прослеживается эволюция реалистического метода в исследуемый период времени, раскрываются когнитивные возможности реалистической повести.

Отмечается, что реализм второй половины XX века с эстетической точки зрения весьма неоднороден. Вектор развития советской литературы середины прошлого столетия отождествлен с понятием социалистического реализма. В настоящее время взгляды на его природу неоднозначны. Выявляется генетическое родство метода социалистического реализма коммуникативной стратегии классицизма, нередко социалистический реализм рассматривают как авангардистскую стратегию, ориентированную на целенаправленное воздействие на сознание адресата. Думается, неправомерно отождествлять многообразие советской литературы с идеологически ангажированным художественным методом. В 1960–1970-е годы в контексте военной и «деревенской» прозы усилилась роль автобиографического, психологического начал. Императивом художественного творчества становится постижение чужого «я», внимание и автора, и читателя сконцентрировано на герое как объекте

коммуникации. Этот переход обусловлен присутствием в текстах художественных произведений элементов символизма, романтизма, неомифологических приемов моделирования реальности. С 1970-х годов усиливается экзистенциальная направленность прозы, происходит актуализация нравственно-философской проблематики. Обращение писателей к креативистской эстетике ускорило преодоление границ нормативной. Открытость реализма к эстетическим преобразованиям породила гипотезу о зарождении новой парадигмы художественности. Термины «постреализм», «новый реализм», «трансреализм», появившиеся в литературоведческих работах на рубеже XX–XXI веков, призваны отразить изменения «классического» реализма, произошедшие под влиянием неклассической эстетики.

Метонимические приемы миромоделирования, свойственные жанру повести, оказались созвучными реалистическому принципу типизации, для которого также характерен индуктивный способ постижения действительности. В реалистической прозе второй половины XX века повесть становится наиболее востребованным жанром, так как открывает широкие возможности для психологизации прозы. Корпус повестей, созданный в русской и белорусской прозе второй половины XX века, широк. Это произведения, различные по идейно-тематической наполняемости, художественному уровню, конъюнктурной или нонконформистской направленности. В настоящем разделе упоминаются жанровые разновидности повести, созданные в контексте «официальной прозы» (идеологическая повесть, «производственная» повесть); раскрывается жанровая специфика детективной повести; поднимается вопрос о степени соотношения фантастических повестей с реалистической или модернистской парадигмой. Основным объектом исследования избираются *лирико-психологическая, нравственно-философская и социально-психологическая повесть*. Актуализация данных жанровых разновидностей повести в русском и белорусском литературном процессе второй половины XX века позволяет наиболее отчетливо проследить этапы обновления реалистической парадигмы; раскрыть особенности взаимовлияния и рецепции эстетических явлений в национальных литературах.

В разделе 2.2 «**Лирико-психологическая повесть**» отмечается, что развитие данной жанровой разновидности реалистической повести пришлось на середину 1950-х – начало 1970-х годов и было обусловлено изменением авторских подходов к художественному осмыслению военных

событий и послевоенной действительности. Схематизм идеологической и производственной прозы, направленный на изображение исключительной личности, сменяется попыткой изображения обычного человека и его внутренних переживаний (Ю. Бондарев «Батальоны просят огня», Г. Бакланов «Пядь земли», В. Астафьев «Звездопад», К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой», В. Белов «Привычное дело», В. Шукшин «Калина красная», В. Быков «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада», «Мёртвым не баліць», И. Пташников «Лонва», «Тартак», «Іллюк Чачык», Б. Саченко «Пакуль не развіднела», «Апошнія і першыя», А. Осипенко «Абжыты кут», «Канец бабінага лета», Я. Сипаков «Усе мы з хат» и др.). Переход от нормативной эстетики к объективному отражению жизни и психологизации повествования осуществлялся в 1950-е годы в военной литературе в контексте «окопной» прозы; в «деревенской прозе» – через интеграцию (формальную или содержательную) повести с публицистическими жанрами: эссе, очерк, репортаж (Е. Дорош «Деревенский дневник», В. Овечкин «Районные будни», Ф. Абрамов «Вокруг да около» и др.).

Герой лирико-психологической повести о войне – это герой в ситуации нравственного выбора (В. Астафьев «Звездопад», Г. Бакланов «Мертвые сраму не имут», Б. Васильев «А зори здесь тихие», В. Быков «Жураўліны крык», «Здрада», «Пастка», И. Шамякин «Начныя зарніцы», «Агонь і снег», И. Пташников «Тартак» и др.). Итогом этого выбора становится духовная победа или духовная гибель героя. В таком разрешении *психологического конфликта* ощутимо наследие социалистического реализма с его стремлением к четкой дифференциации героев на положительных и отрицательных, на «идеологически устойчивых» и «вредителей». Однако авторы лирико-психологической повести в значительной степени отдаляются от подобного схематизма, поскольку ситуация смертельной опасности и поведение героя в такой ситуации основаны на их личном (реальном) военном опыте. Это рефлексия автобиографических переживаний. *Герой лирико-психологической повести в контексте «деревенской прозы»* представляет собой стремление писателей постичь *амбивалентную сущность национального характера* (В. Белов «Привычное дело», И. Пташников «Іллюк Чачык», В. Козько «Цвіце на Палессі груша» и др.). *Психологическая коллизия* заключается в попытке деревенского жителя избежать духовной деградации, найти внутренние ресурсы для морального

возрождения, которое мыслится залогом духовного возрождения всей нации.

Субъектная организация реалистической повести и в русской, и в белорусской литературах второй половины XX века характеризуется преобладанием рефлексивной субъективности. Прозаики активно используют автобиографический, жизненный материал, как бы опредмечивая в произведении свое сознание. Этим объясняются преобладание диегетического типа нарратора в лирико-психологической повести о войне и актуализация сказового нарратора в «деревенской прозе».

В стилевом плане лирико-психологическая повесть представляет собой явление переходного характера (от социалистического реализма к социально-психологическому реализму). Продуктивным на данном этапе становятся синтез реалистической парадигмы с элементами сентиментализма и романтизма (Б. Васильев «А зори здесь тихие...», В. Астафьев «Пастух и пастушка», К. Воробьев «Убиты под Москвой», В. Быков «Альпійская балада», «Дажыць да світання» и др.), обогащение неомифологическими приемами моделирования реальности (В. Астафьев «Последний поклон», В. Шукшина «Калина красная», В. Козько «Цвіце на Палессі груша», В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба» и др.).

В разделе 2.3 «**Нравственно-философская повесть**» говорится об актуализации данной жанровой разновидности реалистической повести в 1970-е годы, обусловленной *сменой лирической доминанты на экзистенциальную*. Эстетически переход к осмыслению экзистенциальных категорий предвосхитили повести о войне, написанные в духе так называемого «жестокоего реализма»: в них усилились апокалипсические мотивы отчаяния и смерти. *Коммуникативная стратегия* нравственно-философской повести ориентирована на изображение войны как жестокого истребления человека человеком (В. Кондратьев «Сашка», В. Быков «Дажыць да світання», «Мёртвым не баліць», «Пайсці і не вярнуцца» и др.). *Герой нравственно-философской повести о войне* практически всегда находится в пограничном состоянии, в связи с чем и в русских, и в белорусских повестях представлено *два ключевых типа героев: герои, в пограничной ситуации переживающие духовную эволюцию, так называемое «экзистенциальное пробуждение»* (И. Шамякин «Гандлярка і паэт», В. Быков «Воўчая зграя» и др.); *и герои, которых война приводит к духовному опустошению, моральной деградации* (В. Астафьев «Пастух и пастушка», В. Быков «Сотнікаў», «Пайсці і не вярнуцца» и др.).

Нравственно-философская повесть о войне, с одной стороны, отразила девальвацию частной жизни в масштабах государственной и военной казарменной системы, с другой – продемонстрировала возможность личного подвига «маленького человека» на войне.

Актуализация нравственно-философской повести в «деревенской прозе» определяется формированием утопического дискурса. Поиск истинной сущности человека связан с размышлениями о его родовых корнях, о малой родине. Не случайно *сюжетно-композиционная организация* многих произведений «деревенской прозы» соотносится с евангельской притчей о блудном сыне, интерпретация которой имеет свою специфику в русской и белорусской литературах. Русские прозаики скорбят об утрате дома-семьи, прежних нравственных основ и идеалов, об окончательном разрушении патриархального мира (Ф. Абрамов «Пелагея», «Алька», В. Распутин «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Пожар» и др.). Белорусские авторы рассматривают необходимость сохранения основ народной нравственности и культуры как условие национального возрождения, обретения не только личной, но и национальной идентичности, а потому не отказывают «блудному сыну» в возможности возвращения (В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба», А. Кудравец «Раданіца», В. Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» и др.). В контексте «деревенской» и тематически близкой ей «экологической прозы» сформировалось *два ключевых типа героев нравственно-философской повести – герои, намеренно или в связи с жизненными обстоятельствами разрывающие (утрачивающие) связь с корнями, с малой родиной и в большинстве случаев утрачивающие вместе с тем и нравственные основы* (доминируют в русской прозе); *герои, аккумулирующие, сохраняющие или восстанавливающие память о прежних обычаях, традициях, морально-этических устоях* (преобладают в белорусской прозе). Кроме того, в ряде повестей появляются *образы героев, семантика которых тяготеет к элементам шутовства или юродства*. Наличие в русских и белорусских повестях героев такого типа свидетельствует о смене утопического дискурса антиутопическим.

Таким образом, *коммуникативная стратегия* русской и белорусской нравственно-философской повести 1970–1980-х годов направлена на поиск смысла жизни, на постижение человеком человеческой сущности в пограничной ситуации, на осмысление философской проблематики бытия и смерти. Вторичная художественная условность, используемая писателями в нравственно-философской повести, в русской

реалистической прозе обозначенного периода функционирует как *стилистический прием*, в белорусской – становится *стилевой доминантой*, что в 1980-е годы приводит к интеграции реалистической и модернистской эстетики и активному развитию на белорусской национальной основе условно-метафорической прозы.

В разделе 2.4 **«Социально-психологическая повесть»** подчеркивается, что обращение русских и белорусских писателей к жанровой форме социально-психологической повести констатировало окончательный переход от нормативной эстетики к социально-психологическому реализму. В произведениях, тематически тяготеющих к «городской прозе», возник вопрос: может ли человек противостоять социально-историческим обстоятельствам или приспосабливается к ним, идя на компромисс с совестью (Ю. Трифонов «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Дом на набережной», И. Шамякин «Сатанінскі тур», «Падзенне», «Без пакаяння», В. Чаропка «Шчасце страцей» и др.)? В корпусе социально-психологических повестей формируются *типы героев*, основанные на исследовании психологии людей, переживших культ личности: *герой, конфликтующий со своим внутренним «я», но идущий на компромисс с совестью; герой-«продукт» эпохи, не способный к совершению самостоятельного нравственного выбора и не имеющий (утративший) личностного начала; герой-приспособленец, предпочитающий материальные ценности духовным; антилидер; человек свиты; герой без моральных ориентиров, человек деградирующий.*

В русской и белорусской прозе актуализация жанровой разновидности социально-психологической повести определяется документальной основой многих произведений, интеграцией с мемуарным началом в литературе (А. Жигулин «Черные камни», С. Граховский «Зона маўчання», «З воўчым білетам», «Такія сінія снягі» и др.). Социально-психологическая повесть становится основой для взаимодействия жанровых структур, появления новых форм на «стыке» публицистики и художественной литературы (М. Кураев «Блокада», А. Адамович «Хатынская аповесць», «Карнікі» и др.). В *социально-психологической повести* о войне 1970–1990-х годов актуализируются следующие *типы героев*. С идейно-эстетической точки зрения продуктивным оказалось исследование психологии *невоенного человека на войне*. Отдельный пласт повестей составляют произведения, в которых осмысливаются судьбы *детей* в годы войны. В белорусской повести возникает специфический

способ субъективной организации, или феномен «двойного видения», заключающийся во временной и возрастной разнице повествующего и повествуемого «я» диегетического нарратора (В. Козько «Високосный год», «Повесть о беспризорной любви», А. Адамович «Венера, або Як я быў прыгоннікам» и др.). Генезис и психологию фашизма как социального явления стремятся постичь авторы повестей, в которых художественному анализу подвергаются *образы «чужих»*, несущих разрушение и смерть. «Локальные» военные конфликты, составившие сюжетную основу социально-психологических повестей 1990-х годов, обусловили *два типа героев: профессионального военного, относящегося к войне как к работе, и молодого человека, морально искалеченного войной, потерявшего себя как личность* (В. Быков «Афганец», А. Бабченко «Алхан-Юрт» и др.).

В ряде социально-психологических повестей последней трети XX века затрагивается проблематика, превышающая объем жанрового содержания повести. Происходит усиление эпического начала. Такие *модификационные процессы* затрагивают *жанровую доминанту повести* и свидетельствуют о зарождения «метажанра»: особой циклической структуры (повесть или повествование в рассказах, новеллах; создание цикла повестей: В. Астафьев «Царь-рыба», С. Довлатов «Наши», «Ремесло», «Чемодан», И. Пташников «Лонва», А. Василевич «Пачакай, затрымайся», И. Шамякин «Тривожнае шчасце»). Этот процесс свидетельствует об открытости жанра повести, о его аккомодации к новым идейно-художественным потребностям, о его способности к семантической и морфологической трансформации.

В третьей главе **«Повесть в модернистском дискурсе и в интеграции с другими стилевыми течениями»** предпринята попытка проследить жанрово-стилевую модификацию русской и белорусской повести в контексте неклассической эстетики.

В разделе 3.1 **«Повесть в интеграции модернизм–реализм в русской и белорусской прозе второй половины XX века»** отмечается, что в прозе исследуемого периода основные стилевые изменения происходят на стыке художественных систем. Возникновение диффузных явлений обусловлено как индивидуально-авторским творческим экспериментом, так и общими стилевыми тенденциями эпохи.

Эстетической реакцией на идеологическую ангажированность советской литературы стала так называемая *«другая проза»*, в русле которой можно выделить корпус произведений, написанных в духе *экзистенциального реализма* (М. Палей «Евгеша и Аннушка», М. Кураев

«Капитан Дикштейн», «Ночной дозор», С. Каледин «Стройбат», «Смирненное кладбище», Л. Габышев «Одлян, или Воздух свободы», А. Федоренко «Солдат» и др.), и произведения, в которых происходит рецепция традиций *карнавальной литературы* (Юз Алешковский «Николай Николаевич», «Синенький скромный платочек», Г. Головин «День рождения покойника» и др.).

И русские, и белорусские прозаики активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от доминирующего типа условности и доминирующего художественного приема можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности: *актуализация сюрреалистической эстетики; синтез реалистического и фантастического* (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования); *обращение к фольклорно-мифологическим мотивам, мифологическим способам познания мира.*

Освоение неореалистической эстетики в русской и белорусской прозе второй половины XX века порождает стилевую трансформацию *социально-психологической повести*, актуализацию жанровой разновидности *повести-антиутопии*, в которых читатель, декодируя аллегорические образы, узнавал картину привычного ему социума.

В разделе 3.2 **«Семантические и морфологические изменения социально-психологической повести»** подчеркивается, что данная жанровая разновидность повести в силу своей мобильности оказалась способной синтезировать реалистическое начало и фантастические, гротескные, неомифологические способы моделирования реальности, позволив тем самым совместить принцип правдоподобного изображения действительности с аллегорическими, метафорическими способами ее осмысления.

Сопоставляя *способы субъектной организации* социально-психологической повести в контексте реалистического метода и в неклассической эстетике, можно прийти к следующим выводам. В анализируемой жанровой разновидности повести происходит последовательная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим (М. Кураев «Ночной дозор», Л. Петрушевская «Время ночь» и др.). Наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым «я», достигаемое посредством ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого

«я» в разные временные планы, смены приемов внешней и внутренней фокализации.

В русской и белорусской неклассической прозе последних десятилетий XX века была предпринята попытка взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. На уровне *пространственно-временной организации* произведений зачастую происходит несовпадение биографического времени персонажей с социально-историческим континуумом. В социально-психологической повести наблюдается трансформация литературного типа «маленького человека», вернее, появляются специфические варианты этого типа: *«песчинка истории»* (М. Палей «Евгеша и Аннушка», М. Кураев «Капитан Дикштейн», Г. Головин «День рождения покойника»); *герой-исполнитель* (А. Рыбаков «Не успеть», М. Кураев «Ночной дозор»); *обитатель социального «дна»* (С. Довлатов «Зона. Записки надзирателя», Л. Габышев «Одлян, или Воздух свободы», С. Каледин «Смирненное кладбище», В. Мудров «Гісторыя аднаго злачынства», Ю. Станкевич «Рыфма», «Прузі»); *герой-маргинал* (Л. Улицкая «Сонечка», «Веселые похороны», С. Бабаян «Без возврата (Негерой нашего времени)»); *трикстер* (В. Крупин «Живая вода», В. Маканин «Предтеча», «Где сходилось небо с холмами», А. Зиновьев «Иди на Голгофу»). При этом необходимо отметить, что, в отличие от реалистической прозы, человек в авангардистской эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантасмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится теми «декорациями», в которых человек существует.

Сюжетно-композиционная организация ряда произведений также обусловлена взаимовлиянием и взаимопроникновением художественных систем, экспериментами в литературе, когда прецедентные сюжеты, мотивы, образы «пересаживаются» на новую почву, переносятся в социальные и культурные «декорации» современности (А. Дмитриев «Воскобоев и Елизавета», В. Пьецух «Новая московская философия», В. Войнович «Шапка», А. Кабаков «Бульварный роман», А. Ветах «Барак № 6»).

В разделе 3.3 «**Повесть-антиутопия**» говорится о том, что художественное осмысление тоталитарного прошлого и настоящего советского общества нуждалось в изоморфной жанровой форме. Таковой оказалась повесть-антиутопия, отразившая социальный эксперимент в

аллегорическом ключе. Интенсификацию этой жанровой разновидности предвосхитили диффузные жанровые образования (такие как, например, социальная сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы», сказовая повесть А. Терца «Любимов»). Во второй половине XX века антиутопия синтезирует эстетические принципы реализма, модернизма и постмодернизма и претерпевает определенные содержательные и стилевые трансформации. Так, *политическая* антиутопия всегда основана на художественной репрезентации двух оппозиционных миров: реального, в котором тоталитарное устройство поглощает личность, и альтернативного, где царят гуманистические идеалы. Однако, например, в политической антиутопии А. Кабакова «Невозвращенец» моделируются два равноценно неблагополучных общества – настоящего и недалекого будущего. И потому моральный выбор героя представляет собой поиск личной выгоды и временного благополучия, а не стремление к духовным ценностям. Метонимическая семантика *идеологической антиутопии* (А. Курчаткин «Записки экстремиста», В. Гигевич «Карабель») позволила на примере частной идеи продемонстрировать генезис тоталитарного сознания и становление основ тоталитарного общества. При этом наблюдается эволюция идеологической проблематики в сторону углубления психологического анализа социальных механизмов и осмысления экзистенциальных вопросов через призму общественно-политического мироустройства. Идеологическая антиутопия трансформируется в *социально-психологическую*. Порождением XX века с его постоянно напряженной внешнеполитической обстановкой и милитаристскими настроениями является *технократическая антиутопия* (В. Рыбаков «Первый день спасения», Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», А. Адамович «Последняя пастораль»), в которой писатели прогнозируют возможные последствия ядерной войны. Для нее характерны апокалипсические настроения и воплощение картины гибели цивилизации. Антиутопия второй половины XX века поставила вопрос о высокой степени личной ответственности человека за происходящие события, за его собственный нравственный выбор. Такого рода проблематика обусловила появление жанровой разновидности *семейной* антиутопии (В. Маканин «Лаз»).

Субъектная организация русской и белорусской повести-антиутопии во второй половине XX века традиционна: повествователь, как правило, изображен эксплицитно, он является очевидцем и участником событий. Сложившийся в литературе жанровый канон антиутопии требовал от

писателя изображения ритуализированного общества, в котором невозможно какое-либо самостоятельное движение личности. «Сбой» этой системы происходил тогда, когда личность отказывалась выполнять свою функцию в ритуале, то есть становилась «не как все». Прозаики второй половины XX века визуализировали эту инаковость, изобразив в своих повестях *тип героя с физическими или умственными отклонениями, но наполненного духовно* (В. Маканин «Лаз», В. Рыбаков «Первый день спасения»). Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей *образа героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными «полюсами» художественной модели мира (В. Маканин «Лаз», А. Кабаков «Невозвращенец»). Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, объединяющее значение общечеловеческих ценностей.

Следует отметить, что антиутопия становится основной аллегорической формой именно в русской литературе в связи с тем, что сама природа русской литературной аллегории социальна. В белорусской прозе развитие получает так называемый «параболический» вектор.

В разделе 3.4 «**Повесть в модернистском дискурсе**» утверждается, что повесть в стилевом поле модернизма обогащается новыми способами создания художественной модели мира. Развитие модернизма в русской и белорусской литературах XX века характеризуется дискретностью. Тем не менее модернизм в русской литературе представляется сформировавшейся художественной системой с достаточно четко дифференцируемыми стилевыми течениями.

Доминирующей жанровой разновидностью повести в *русской модернистской прозе* остается *социально-психологическая повесть, сюжетно-композиционные особенности* которой позволили изобразить абсурдность окружающей действительности, враждебность внешнего мира к человеку, а следовательно, духовный кризис личности и попытки преодолеть этот кризис трансцендентными способами.

Модернизм в белорусской литературе имеет ярко выраженную фольклорно-мифологическую основу, которая обусловила преобладание в белорусской прозе второй половины XX века аутентичных элементов, составивших национальную специфику белорусской литературы. Поэтому основной жанровой разновидностью белорусской модернистской прозы становится *повесть-притча*, которая позволяет с помощью неомифологических приемов моделирования реальности вербализировать

бессознательные категории, сделать их предметом авторской и читательской рефлексии.

Пространственно-временная организация повести в модернистском дискурсе характеризуется оппозицией реального и идеализированного (ирреального) мира, реального (исторического) времени и субъективного времени героя (В. Катаев «Алмазный мой венец», «Трава забвения», А. Синявский «Крошка Цорес», Ф. Горенштейн «Ступени», А. Федоренко «Гісторыя хваробы»). В связи с этим на уровне *субъектной организации* произведений получает развитие тенденция дистанцирования повествующего и повествуемого «я» (В. Катаев «Алмазный мой венец», «Трава забвения», В. Маканин «Голоса»).

И в русской, и в белорусской модернистской повести формируется *тип героя, стремящегося преодолеть несовершенство внешнего мира и обрести духовную свободу*. Белорусские писатели-модернисты часто отождествляют ее с осознанием национальной идентичности (А. Федоренко «Нічы», «Вёска»). Для русских писателей это трансцендентный прорыв личности к постижению метафизической сути, стремление к божественному Абсолюту (А. Ким «Лотос», «Собиратели трав», «Нефритовый пояс», Ю. Мамлеев «Вечный дом», Д. Липскеров «Ожидание Саломеи», «Пальцы для Керолайн»).

В разделе 3.5 «**Повесть-притча**» отмечается, что стремление выйти к глубокому художественному обобщению в осмыслении социальной и нравственно-философской проблематики обусловило апелляцию к фольклорным методам и приемам создания характеров, построения сюжетных схем. В русский литературный обиход возвращается жанр сказки как одна из основных метафорических форм (Ю. Мамлеев «Русские сказки»). Архетипы русского фольклора используются для отражения метафизических исканий человеческой души, попытки постижения бессознательного. В русской прозе повесть-притча представляет собой жанровую разновидность повести, синтезирующую эстетические принципы реализма и модернизма. В белорусской прозе повесть-притча получила активное развитие в модернистском дискурсе и представлена несколькими вариантами. Это собственно *повесть-притча* (В. Быков «Ваўчыная яма», В. Козько «Час збіраць косці», «І нікога, хто ўбачыць мой страх», «Прахожы», А. Боровский «Ахутавана»), приобретающая (в отличие от евангельских притч) социальное звучание, нередко ассимилирующая элементы антиутопии. Специфически белорусской модификацией притчи представляется «*прытавесць*» – синтез народной

(национальной) и индивидуально-авторской философии (проза В. Быкова из сборника «Пахаджане», произведения Я. Сипакова из книги «Тыя, што ідуць», повесть Ф. Сивко «Удог», повесть в «прыпавесцях» А. Мосаренко «Лесавікі»). Форма «прыпавесці» направлена на осмысление экзистенциальной проблематики через призму национальной самоидентификации. Исследование морально-этической сферы современного писателям социума диктовало появление в ряде произведений элементов *публицистической проповеди*, в которой исходной точкой развития мысли являются не только и не столько постулаты веры, сколько недостатки и пороки, которые можно наблюдать в обыденной жизни (А. Боровский «Княжбор»). Многозначность и символизм притчевых образов, их иносказательность позволили исследователям наряду с понятием притчи использовать представление о *параболе* как о произведении более абстрактном, допускающем несколько вариантов интерпретации (В. Некляев «Вежа»).

Типы героев, сформировавшиеся в повести-притче, представляют собой, с одной стороны, рецепцию традиций классической реалистической прозы, с другой – отражают общие тенденции авангардистских течений и демонстрируют генетическую связь с другими жанровыми разновидностями повести (в частности, с антиутопией). В белорусской модернистской прозе получает воплощение интерпретация евангельской притчи о блудном сыне, ставшей сюжетной основой ряда нравственно-философских повестей в контексте реалистической эстетики. Появляется галерея образов «*бывших людей*», потерявших в настоящем времени, утративших связь с собой прежними, с памятью о прошлом (А. Наварич «Цкаванне вялікага зверя», А. Козлов «Распяцце, альбо Ці ж баліць галава ў вароны»). В русской неклассической прозе находит воплощение образ *юродивого*, вставшего на путь добровольного исхода из социума, самоотречения ради возвращения к своей человеческой сущности (Б. Евсеев «Юрод»). На уровне *пространственно-временной организации* и повесть-антиутопия, и повесть-притча воплощают «двусоставную», полярную модель мира. Поэтому белорусскую метафорическую прозу роднит с русской антиутопической образ *героя-медиатора*. При различиях в природе иносказания (мифологической или социальной) «атрибутика» образа устойчива: наличие портала, связующего альтернативные миры, и изображение пути героя как инициации (А. Боровский «Пякельны рай»).

Можно заключить, что притчевый характер белорусской модернистской повести обусловлен актуализацией национальных

архетипов, обращением к национальной мифологии и фольклору, что соответствует актуальной для белорусской литературы задаче национально-духовного возрождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Жанровая динамика эпических форм во второй половине XX века обусловлена как литературными, так и внелитературными факторами. Повесть оказалась изоморфной эстетическим потребностям эпохи, благодаря мобильности своих когнитивных и коммуникативных возможностей (без разрушения канонической структуры). Изучение жанровой модификации повести позволяет проследить преемственность литературной традиции, процесс зарождения и формирования новых эстетических методов и приемов на основе накопленного художественного опыта. Строение и внутренняя организация целостной жанровой системы повести включает в себя семантическую (*жанровое содержание, субъектная организация, тип героя, пространственно-временная организация*) и морфологическую (*коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация, речевая организация*) составляющие. На **семантическом уровне** повесть реализует индуктивный способ познания: отражает «часть от целого», конструирует «микромодель» мира, которая становится метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи. Повесть обладает множественной вариативностью в изображении эксплицитного нарратора (чаще диегетического), в смене приемов внешней и внутренней фокализации. Через «индивидуальное» и «видовое» в отношениях человека с миром повесть позволяет проследить общие нравственно-этические установки и ценности социума на конкретном этапе его развития. Хронотоп повести достаточно условно интегрирует время и локализует место действия, поскольку определенный локус и определенный временной промежуток воплощают особенности социально-исторической эпохи и ее хронотопа. На **морфологическом уровне** коммуникативная задача повести – в бытовом увидеть бытийное, осмыслить социальные процессы, избегая избыточной социальной заостренности, усилить аксиологическое звучание произведения путем сублимации психологического анализа одного или нескольких характеров, транслировать концепцию личности и ценностные ориентиры эпохи. Этой задаче подчинена сюжетная организация повести, представляющая собой, как правило, открытый и персонифицированный конфликт при наличии доминантной коллизии, которой обусловлены последовательность событий и тип сюжета. Стилистические особенности повести формируются взаимовлиянием художественного метода и

индивидуально-авторских эстетических поисков [1; 9; 16; 19; 21; 24; 32; 42; 43; 44].

2. Трансформация русской и белорусской *реалистической повести* второй половины XX века *на семантическом уровне* была обусловлена изменением авторских подходов к художественному осмыслению действительности и, прежде всего, концепции личности, воплощающей эту действительность. Схематизм идеологической и производственной прозы, направленный на изображение исключительной личности: строителя коммунизма, героя, стахановца, – сменяется попыткой изображения обычного человека в сложной жизненной ситуации. Тенденция наметилась уже в 1950–1960-е годы и привела к активизации жанровой разновидности *лирико-психологической повести* (В. Астафьев «Звездопад», «Последний поклон», «Пастух и пастушка»; Ю. Бондарев «Батальоны просят огня», «Последние залпы»; Г. Бакланов «Южнее главного удара», «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут»; Б. Васильев «А зори здесь тихие»; К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой»; В. Солоухин «Владимирские проселки»; В. Быков «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада», «Здрада»; А. Василевич «Шляхі-дарогі»; А. Осипенко «Паплавы», «Абжыты кут»; И. Пташников «Чачык», «Не па дарозе»; И. Шамякин «Непаўторная вясна», «Начныя зарніцы», «Агонь і снег», «Пошукі сустрэчы», «Мост» и др.), в центре внимания которой оказались движения души героя, его внутренние переживания.

В 1970-е годы появляются повести, написанные в духе «жесточкого реализма», в них усилены апокалипсические мотивы отчаяния и смерти. Это подтолкнуло и русских, и белорусских прозаиков к осмыслению экзистенциальных категорий, в результате чего произошли смена лирической доминанты на экзистенциальную, закономерная актуализация *нравственно-философской повести* (Ф. Абрамов «Пелагея», «Алька»; В. Кондратьев «Сашка»; В. Распутин «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Пожар»; В. Быков «Дажыць да світання», «Пайсці і не вярнуцца», «Сотнікаў», «Сцюжа», «Воўчая згря»; А. Жук «Халодная птушка»; В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба», «Бярозавыя венікі»; В. Козько «Цвіце на Палессі груша»; А. Кудравец «Раданіца», «Пахахуцікі»; Б. Саченко «Ваўчыца з Чортавай ямы»; Э. Скобелев «Кристина» и др.). Отметим, что реализация нравственно-философской повести в контексте «деревенской прозы» имеет свою специфику, связанную с возникновением особого, утопического, дискурса, в рамках которого профанному настоящему противопоставляется идеальное

прошлое. Необходимостью формирования аксиологических ориентиров, которые пришли бы на смену утратившим значение идеологическим, обусловлена востребованность в последней трети XX века жанровой разновидности *социально-психологической повести* как в реалистической, так и в модернистской парадигмах. Одним из ключевых вопросов, поднимающихся в социально-психологической повести, становится вопрос о выборе человека – противостоять социально-историческим обстоятельствам или приспособливаться к ним, идя на компромисс с совестью (В. Тендряков «Ночь после выпуска», «Хлеб для собаки», «Шестьдесят свечей», «Затмение», «Расплата»; Ю. Трифонов «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной»; В. Быков «Пакахай мяне, салдацік»; А. Жук «Не забывай мяне»; А. Карпюк «Сучасны канфлікт»; А. Осипенко «Клетка для берасянак», «Выканаўца»; И. Шамякин «Сатанінскі тур», «Падзенне», «Без пакаяння», «Выкармак», «Драма», «Аповесці Івана Андрэевіча», «Адна на падмостках», «Ахвяры»; О. Ждан «Черты и лица», «По обе стороны проходной», «Самостоятельная жизнь» и др.). Субъектная организация реалистической повести второй половины XX века характеризуется преобладанием рефлексивной субъективности. Прозаики активно используют автобиографический, жизненный материал, как бы опредмечивая в произведении свое сознание. Этим объясняется преобладание диегетического типа нарратора в большинстве повестей. Национальной спецификой белорусской социально-психологической повести, изображающей военное детство, можно считать феномен «двойного видения», заключающийся во временной и возрастной разнице повествующего и повествуемого «я» диегетического нарратора. Типология героев, которая сформировалась в русской и белорусской реалистической повести второй половины XX века, отражает эволюцию «идеи человека» в контексте данного социокультурного периода. Герой *лирико-психологической и нравственно-философской повести о войне* – это *герой в ситуации нравственного выбора (пограничной ситуации), итогом которого становятся духовная победа («экзистенциальное пробуждение») или духовная гибель героя*. Галерея образов «деревенской прозы» представляет собой стремление и русских, и белорусских писателей постичь амбивалентную сущность национального характера. В лирико-психологической повести наметилось, а в нравственно-философской – завершилось формирование двух ключевых типов героев: *намеренно или в связи с жизненными обстоятельствами разрывающих*

(утрачивающих) связь с корнями, с малой родиной и в большинстве случаев утрачивающих вместе с тем и нравственные основы (доминируют в русской прозе); и, напротив, *аккумулирующих, сохраняющих или восстанавливающих память о прежних обычаях, традициях, морально-этических устоях* (преобладают в белорусской прозе). Кроме того, в ряде повестей появляются образы героев, семантика которых тяготеет к элементам *шутовства или юродства* (интерпретация образа «маленького человека»). Наличие в русских и белорусских повестях героев такого типа свидетельствует о становлении, эволюции и разрушении утопического дискурса и смене его антиутопическим. Система персонажей русской и белорусской *социально-психологической повести* в стилевом поле реализма указывает на окончательное завершение смены концепции личности в последние десятилетия XX века и говорит о начале формирования новых социальных и онтологических представлений. Писатели исследуют психологию людей, переживших культ личности: в произведениях изображается *герой, конфликтующий со своим внутренним «я», но идущий на компромисс с совестью; герой-«продукт» эпохи*, не способный к совершению самостоятельного нравственного выбора и не имеющий (утративший) личностное начало; *герой-приспособленец*, предпочитающий материальные ценности духовным; *антилидер, человек свиты; герой без моральных ориентиров*, человек деградирующий. Военная проза традиционно обращается к художественному осмыслению психологической проблематики: раскрываются образы *невоенного человека на войне, «детей войны», образы фашистов (психология «чужого»)*, анализируется психология *солдата на «новой войне»* (в зоне «локальных конфликтов»). Пространственно-временная организация русской и белорусской реалистической повести во второй половине XX века подверглась наименьшим изменениям (конкретика локуса и временного отрезка, имеющая метонимическое значение), что помогло сохранить видовую целостность повести [1; 3; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 16; 20; 22; 23; 27; 28; 29; 30; 34; 35; 36; 39; 43; 44].

3. Модификация *морфологической составляющей* русской и белорусской *реалистической повести* связана с неоднократной сменой коммуникативной стратегии художественной прозы на исследуемом этапе развития литературного процесса. Идеологически ангажированная проза, излишне пропитанная героическим и патриотическим пафосом, уже в середине 1950-х годов сменяется ориентацией на объективное изображение внутреннего мира героя со свойственными обычному,

а не «сверхчеловеку» переживаниями (*лирико-психологическая повесть*). Коммуникативная стратегия *нравственно-философской* и *социально-психологической повести* 1970–1990-х годов направлена на поиск смысла жизни, постижение человеком человеческой сущности, осмысление философской проблематики бытия и смерти. Новые коммуникативные задачи, поставленные перед русской и белорусской реалистической повестью во второй половине XX века, требовали нового пути их решения. Это обусловило изменения в сюжетно-композиционной организации произведений. Психологизация конфликта, трансформация его из внешнего во внутренний наметились в *лирико-психологической повести*. В *нравственно-философской* повести данная тенденция оказалась «закодированной» в творческой интерпретации евангельской притчи о блудном сыне, с которой соотносится фабульная канва ряда произведений. Развитие данного сюжета в русской и белорусской повести имеет свою специфику. Так, русские прозаики скорбят о разрыве связи с родными корнями, об утрате дома-семьи, а следовательно, прежних нравственных основ и идеалов. В их повестях усугубляются апокалипсические мотивы, появляются элементы антиутопии. Белорусские авторы рассматривают необходимость сохранения основ народной нравственности и культуры как условие национального возрождения, обретения не только личной, но и национальной идентичности, а потому не отказывают блудному сыну в возможности возвращения. Наибольшей модификации подверглась сюжетно-композиционная основа *социально-психологической повести*, которая стала «фундаментом» для взаимодействия жанровых структур, для появления новых форм на «стыке» публицистики и художественной литературы. Названная жанровая разновидность повести оказалась наиболее мобильной с точки зрения расширения объема жанрового содержания. Отражением данной тенденции стало появление циклических структур (повесть или повествование в рассказах, новеллах; создание цикла повестей). Однако этот процесс (как и интеграция с документалистикой) не свидетельствует о размывании жанровых границ повести во второй половине XX века. Он говорит об открытости жанра повести, о его аккомодации к новым идейно-художественным потребностям времени. Стилевая эволюция русской и белорусской реалистической повести второй половины XX века определяется процессом преодоления как русскими, так и белорусскими прозаиками канонов соцреалистической эстетики и переходом в русло социально-психологического реализма. На переходном этапе продуктивными

оказались синтез реалистической парадигмы с элементами сентиментализма, романтизма, натурализма, доминирование экзистенциальных ситуаций, использование неомифологических приемов моделирования реальности (*лирико-психологическая и нравственно-философская повесть*). Творческие поиски привели, с одной стороны, к активизации аналитического, интеллектуального начала в прозе, к окончательному возвращению к реалистической эстетике (*социально-психологическая повесть*); с другой – вторичная художественная условность, характерная для *нравственно-философской повести*, в белорусской прозе 1980-х годов становится стилевой доминантой, что объясняет активную интеграцию художественных парадигм реализма и модернизма [1; 2; 4; 5; 12; 16; 25; 26; 29; 31; 33; 36; 37; 39; 43; 44].

4. Модификация повести *на семантическом и морфологическом уровнях в интеграции модернизм–реализм* проявляется в таких жанровых разновидностях, как *социально-психологическая повесть* (представлена и в русской, и в белорусской прозе исследуемого периода), *повесть-антиутопия* (преобладает в русской прозе). Специфика *жанрового содержания* произведений обусловлена активным использованием как русскими, так и белорусскими прозаиками новых способов художественного миромоделирования – фантастических, гротескных, неомифологических, что привело к модификации *социально-психологической повести* (А. Дмитриев «Воскобоев и Елизавета»; А. Кабаков «Бульварный роман»; С. Каледин «Смирненное кладбище»; М. Кураев «Ночной дозор», «Капитан Дикштейн»; В. Маканин «Предтеча», «Где сходилось небо с холмами»; М. Палей «Евгеша и Аннушка»; Л. Петрушевская «Время ночь»; Ю. Поляков «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Апофегей»; А. Ветах «Барак № 6»; А. Козлов «Дзеці ночы»; В. Мудров «Гісторыя аднаго злачынства»; Ю. Станкевич «Рыфма» и др.). Осмыслить опыт тоталитарной государственности в аллегорическом ключе позволила *повесть-антиутопия* (А. Кабаков «Невозвращенец»; А. Курчаткин «Записки экстремиста»; В. Маканин «Лаз»; Л. Петрушевская «Новые Робинзоны»; В. Рыбаков «Первый день спасения»; А. Терц «Любимов»; А. Адамович «Последняя пастораль»; В. Гигевич «Карабель» и др.), которая актуализирует такие разновидности, как *политическая, идеологическая, социально-психологическая, технократическая*. Появляется новая разновидность антиутопии – *семейная*. Модернистские интенции влияют на изменения в *субъектной организации социально-*

психологической повести: происходит последовательная замена *автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим*; наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым «я», достигаемое посредством ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого «я» в разные временные планы. Наличие двух временных планов повествования (прошлое и настоящее) приводит к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект. Преобладание *автодиегетического нарратора* – характерная особенность и *повести-антиутопии*, в которой повествователь, как правило, изображен эксплицитно, выступает и очевидцем, и участником событий. Типология героев повести в интеграции модернизм–реализм отражает попытку авторов взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы. В *социально-психологической повести* формируются специфические варианты литературного типа «маленького человека»: *герой-маргинал*, «*песчинка истории*», *обитатель социального «дна»*, *трикстер*, *герой-исполнитель*. *Повесть-антиутопия* актуализирует образы героев, обеспечивающих собой ритуализированной социальной системы. Это герои с визуализированной инаковостью: *имеющие физические или умственные отклонения, но наполненные духовно*. Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей образа *героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными «полюсами» художественной модели мира. Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, объединяющее значение общечеловеческих ценностей. Несмотря на значительную содержательную трансформацию русской и белорусской повести на стыке художественных систем, на использование неклассических методов и приемов моделирования действительности, пространственно-временная организация жанра в целом остается константной. Пространственно-временной континуум имеет вполне определенные границы, усиливается лишь его иноказательное значение.

Морфологические изменения повести связаны с появлением новой коммуникативной задачи: отразить социальные проблемы современности в аллегорическом ключе. Это обусловило трансформацию сюжетно-композиционной организации произведений. Начинают использоваться

новые – иносказательные, метафорические – способы изображения социального конфликта (*социально-психологическая повесть*). Значительные изменения претерпевает центральный конфликт *повести-антиутопии*: оппозиция реального и альтернативного миров сменяется изображением двух равноценно неблагоприятных социумов. При этом происходит углубление психологического анализа социальных механизмов и осмысление экзистенциальных вопросов через призму общественно-политического мироустройства. Внешний конфликт переходит в область внутреннего, что наиболее ярко воплощено в социально-психологической и семейной антиутопии. Основные стилевые изменения повести наблюдаются на стыке художественных систем – модернизма и реализма. Эстетические новообразования, обозначаемые как «другая проза», включают в себя корпус произведений, написанных в духе *экзистенциального реализма*, и произведения, в которых происходит рецепция традиций *карнавальной литературы*. В зависимости от доминирующего типа вторичной художественной условности и доминирующего художественного приема, используемых в произведении, можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности: *актуализация сюрреалистической эстетики*; *синтез реалистического и фантастического* (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования); *обращение к фольклорно-мифологическим мотивам*, мифологическим способам познания мира [1; 3; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 28; 37; 38; 41; 43; 44].

5. Трансформация повести *на семантическом и морфологическом уровнях в модернистском дискурсе* проявляется в русской прозе преимущественно в жанровой разновидности *социально-психологической повести* (Д. Липскеров «Ожидание Саломеи», «Пальцы для Керолайн»; В. Маканин «Голоса»; Ф. Горенштейн «Муха у капли чая», «Ступени»; А. Синявский «Крошка Цорес» и др.), в белорусской прозе – в *повести-притче* (А. Боровский «Ахутавана», «Княжбор», «Пякельны рай»; В. Быков «Ваўчыная яма»; В. Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел», «Час збіраць косці», «І нікога, хто ўбачыць мой страх», «Прахожы»; А. Мосаренко «Лесавікі»; А. Наварич «Цкаванне вялікага звера» и др.), представленной несколькими вариантами. Это собственно *повесть-притча*, приобретающая в исследуемый период времени (в отличие от евангельских притч) социальное звучание, нередко

ассимилирующая элементы антиутопии. «*Прыпавесць*» – специфически белорусская модификация притчи, представляющая собой синтез народной (национальной) и индивидуально-авторской философии. Форма «прыпавесці» направлена на осмысление экзистенциальной проблематики через призму национальной самоидентификации. *Публицистическая проповедь* обусловлена необходимостью исследования морально-этической сферы социума. *Парабола* – вариант притчи, допускающий множественность интерпретаций. *Субъектная организация социально-психологической повести* характеризуется доминированием автодигетического нарратора. *Повесть-притча*, апеллирующая к фольклорно-мифологическим традициям, возрождает *сказовый тип нарратора*. И в русской, и в белорусской модернистской повести формируется *тип героя, стремящегося преодолеть несовершенство внешнего мира и обрести духовную свободу*. Белорусские писатели-модернисты часто отождествляют ее с осознанием национальной идентичности (А. Федоренко «Нічыё», «Вёска»). Для русских писателей это трансцендентный прорыв личности к постижению метафизической сути, стремление к божественному Абсолюту (А. Ким «Лотос», «Собиратели трав», «Нефритовый пояс», Ю. Мамлеев «Вечный дом», Д. Липскеров «Ожидание Саломеи», «Пальцы для Керолайн»). Активная интерпретация в белорусской прозе сюжетной канвы притчи о блудном сыне определила появление в *повести-притче* галереи образов «*бывших людей*», потерявших в настоящем времени, утративших связь с собой прежними, с памятью о прошлом. В русской *повести-притче* находит воплощение образ *юродивого*, вставшего на путь добровольного исхода из социума, самоотречения ради возвращения к своей человеческой сущности. Белорусскую метафорическую прозу роднит с русской антиутопической образ *героя-медиатора*. Природа иносказания в данном случае различна (мифологическая или социальная), но сохраняется атрибутика образа: наличие портала, связующего миры, и изображение пути героя как инициации. *Пространственно-временная организация повести в модернистском дискурсе* реализует принцип двоемирия через оппозицию реального и идеализированного (ирреального) мира, реального (исторического) времени и субъективного времени героя. *Коммуникативная задача* русской и белорусской *социально-психологической повести* в модернистском дискурсе заключается в изображении абсурдности окружающей действительности, враждебности внешнего мира к человеку и попытки преодолеть кризис

трансцендентными способами. Параболический вектор развития белорусской модернистской повести обусловлен актуализацией национальных архетипов, обращением к национальной мифологии и фольклору, что соответствует актуальной для белорусской литературы задаче национально-духовного возрождения. Модернизм в русской литературе представляется наиболее целостным художественным явлением, сформировавшим внутри себя ряд стилевых течений. Отличительная черта модернизма в белорусской литературе – ярко выраженная фольклорно-мифологическая основа, которая обусловила преобладание в белорусской прозе второй половины XX века аутентичных элементов, составивших национальную специфику белорусской литературы [1; 3; 14; 16; 17; 19; 20; 28; 38; 40; 43; 44].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты исследования представляют интерес для дальнейшего изучения русско-белорусских литературных взаимосвязей, в частности, жанрово-стилевой модификации прозы второй половины XX века. Разработанные в диссертации подходы к анализу жанровой специфики повести могут использоваться как алгоритм для изучения этого жанра как в творчестве конкретных авторов, так и в контексте национальной литературы определенного периода. Сделанные в работе выводы могут повлиять на развитие отечественной жанрологии и скорректировать представление о стилиевой динамике русской и белорусской литератур второй половины XX века.

Материалы диссертации могут быть использованы преподавателями высших учебных заведений при разработке курсов лекций по истории русской и белорусской литератур, на спецкурсах и спецсеминарах для филологических и культурологических специальностей.

Основные результаты диссертационного исследования нашли практическое применение в программе и содержании курса «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа» для студентов второй ступени высшего образования, обучающихся на специальности 1-21 80 10 Литературоведение, в соответствующих методических рекомендациях и сборнике учебно-методических комплексов «Русская литература: история и современность».

Практическое применение результатов исследования подтверждено 5 актами внедрения:

1. Акт о внедрении в учебный процесс Витебского государственного университета имени П. М. Машерова сборника научных статей Е. В. Крикливец «Русская и белорусская литературы XX века: общность и своеобразие» от 02.09.2015.

2. Акт о внедрении в учебный процесс Витебского государственного университета имени П. М. Машерова методических рекомендаций Е. В. Крикливец «Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа» от 02.09.2015.

3. Акт о внедрении в учебный процесс Витебского государственного университета имени П. М. Машерова сборника учебно-методических комплексов (составитель Е. В. Крикливец) «Русская литература: история и современность» от 03.09.2018.

4. Акт о внедрении в учебный процесс Витебского государственного университета имени П. М. Машерова монографии Е. В. Крикливец «Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект» от 01.06.2020.

5. Акт о внедрении в процесс работы ГУ «Централизованная библиотечная система г. Витебска» монографии Е. В. Крикливец «Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект» от 02.06.2020.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Крикливец, Е. В. Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект : монография / Е. В. Крикливец. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – 217 с.

Разделы в коллективных монографиях

2. Крикливец, Е. В. Неомифологизм в русской и белорусской прозе второй половины XX века: национальное своеобразие / Е. В. Крикливец // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Серия: Универсалии культуры. Вып. VII: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – С. 267–280.

3. Крыклівец, А. У. Асэнсаванне нацыянальнага характару ў беларускай прозе другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзя / А. У. Крыклівец // Мастоцкая рэпрэзентацыя духоўных асноў нацыянальнага характару ў сучаснай беларускай літаратуры : манаграфія / Т. У. Аляксеева [і інш.]; пад агул. рэд. В. І. Русілкі, В. В. Лапацінскай. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2018. – С. 25–66.

Статьи в научных журналах, включенных в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований

4. Крикливец, Е. В. Мифологический тип художественной условности в романах Ч. Айтматова «Плаха» и В. Короткевича «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» / Е. В. Крикливец // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 11. – С. 89–94.

5. Крикливец, Е. В. «Пастух и пастушка» В. Астафьева, «Альпійская балада» В. Быкова: специфика художественной системы / Е. В. Крикливец // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2015. – № 1. – С. 107–113.

6. Крикливец, Е. В. «Положительно прекрасный» герой в эпоху экзистенциального кризиса (на примере романов Ф. Достоевского,

В. Короткевича, Ч. Айтматова) / Е. В. Крикливец // Искусство и культура. – 2015. – № 3 (19). – С. 77–82.

7. Крикливец, Е. В. Поиск основ народной жизни в русской и белорусской прозе второй половины XX века (на примере повестей В. Белова и И. Пташникова) / Е. В. Крикливец // Русский язык и литература. – 2015. – № 4. – С. 59–64.

8. Крыклівец, А. У. Экзістэнцыяльная праблематыка прозы Анатоля Кудраўца і Валянціна Распуціна / А. У. Крыклівец // Полымя. – 2015. – № 7. – С. 123–129.

9. Крикливец, Е. В. Сравнительное изучение русской и белорусской литератур: теория и практика / Е. В. Крикливец // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – Т. 19. – С. 127–132.

10. Крикливец, Е. В. Жанровая модификация реалистической повести второй половины XX века (на примере произведений В. Астафьева и И. Пташникова) / Е. В. Крикливец // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2016. – № 10. – С. 100–104.

11. Крикливец, Е. В. Типология героев в русской и белорусской повести второй половины XX века (на материале «деревенской» и «городской прозы») / Е. В. Крикливец // Русский язык и литература. – 2017. – № 7. – С. 60–64.

12. Крикливец, Е. В. Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы» / Е. В. Крикливец // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – Т. 23. – С. 162–166.

13. Крикливец, Е. В. Перед нравственным выбором: типология героев в русской и белорусской военной повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Белая вежа. – 2017. – № 7. – С. 56–60.

14. Крикливец, Е. В. Стилиевые течения в русской и белорусской модернистской литературе второй половины XX века (на примере жанра повести) / Е. В. Крикливец // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 26. – С. 177–183.

15. Крикливец, Е. В. Повесть-антиутопия в русской и белорусской прозе второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Русский язык и литература. – 2018. – № 7. – С. 60–64.

16. Крыклівец, А. У. Жанрава-стылёвая мадыфікацыя аповесці ў беларускай прозе апошняй трэці XX стагоддзя / А. У. Крыклівец // Польша. – 2018. – № 7. – С. 124–129.

17. Крикливец, Е. В. Жанр повести в контексте стилевой трансформации русской и белорусской модернистской прозы последней трети XX века / Е. В. Крикливец // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2018. – № 10. – С. 14–19.

18. Крикливец, Е. В. Способы субъектной организации русской и белорусской модернистской повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Вестник Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. Серия А. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (52). – С. 94–97.

19. Крикливец, Е. В. Субъектная организация и типология героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2018. – № 3. – С. 20–26.

20. Крикливец, Е. В. Социально-психологическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 28. – С. 113–119.

21. Крикливец, Е. В. Повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века: опыт сравнительного изучения / Е. В. Крикливец // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : НовГУ, 2020. – № 1 (26). – С. 111–115.

Статьи в сборниках научных трудов

22. Крикливец, Е. В. Экзистенциальная проблематика прозы В. Распутина и А. Кудравца (опыт сравнительного анализа) / Е. В. Крикливец // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение : сборник научных трудов / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; [под ред. И. И. Плехановой]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – С. 192–200.

23. Крикливец, Е. В. Русская и белорусская военная повесть второй половины XX века: жанровая модификация и особенности репрезентации героя / Е. В. Крикливец // Аксиологический диапазон художественной литературы : сборник научных статей / сост.:

В. Ю. Боровко [и др.] ; под науч. ред. В. Ю. Боровко, О. В. Лапатинской. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 212–215.

24. Крикливец, Е. В. Причины жанрово-стилевой модификации повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Романовские чтения : сборник статей международной научной конференции / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 198–199.

25. Крикливец, Е. В. Стилевая модификация реалистической повести в русской и белорусской литературах второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Сборник статей / Вторая международная научная конференция, Воронеж, 10–12 мая 2017 = Зборник на трудови / Втора меѓународна научна конференција, Воронеж, 10–12 мај 2017 = Conference proceedings / Second International Scientific Conference, Voronezh, 10–12 May 2017. – Штип : Университет имени Гоце Делчева = Универзитет «Гоце Делчев» = Shtip : Gose Delcev University, 2017. – С. 263–270.

26. Крикливец, Е. В. Повести В. Распутина в контексте стилевой модификации русской и белорусской реалистической прозы второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Валентин Распутин. Правда памяти: материалы всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения писателя, Иркутск, 28 сент. – 2 окт. 2017 г. / [отв. ред. В. Я. Иванов]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – С. 226–234.

27. Крикливец, Е. В. Нравственно-философская повесть в русской и белорусской реалистической прозе второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков (к 100-летию А. И. Солженицына) : сб. науч. ст. / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 151–155.

28. Крикливец, Е. В. Проблема формирования личности в русской и белорусской социально-психологической повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // «Воронежский текст» русской культуры : Детская литература и (не)детское чтение» : сборник научных статей. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 152–156.

29. Крикливец, Е. В. Лирико-психологическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Аксиологический диапазон художественной литературы : сборник научных статей / под науч. ред. В. Ю. Боровко, Е. В. Крикливец. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 115–117.

30. Крикливец, Е. В. Повести Ф. Абрамова в контексте жанровой динамики русской и белорусской реалистической повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Творчество Фёдора Абрамова в контексте эпохи : материалы международной научной конференции «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков» / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова. – Архангельск : САФУ, 2020. – С. 159–167.

31. Крикливец, Е. В. Мифопоэтика повестей В. Шукшина «Калина красная» и А. Кудравца «Раданіца» / Е. В. Крикливец // Сибирский филологический форум Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. – 2020. – № 2 (10). – С. 16–26.

32. Крикливец, Е. В. Повесть в контексте жанрово-стилевой динамики русской и белорусской прозы второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Содружество языков. Содружество культур : сборник научных статей. – Ташкент : ООО «АКТИВ PRINT», 2020. – С. 413–418.

Материалы научных конференций

33. Крикливец, Е. В. Военные повести В. Астафьева и В. Быкова: особенности художественной системы / Е. В. Крикливец // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XX (67) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 12–13 марта 2015 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – Т. 1. – С. 124–126.

34. Крикливец, Е. В. «Экология души» в повестях В. Распутина, В. Астафьева, В. Козько, Б. Саченко / Е. В. Крикливец // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя з дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча : матэрыялы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 2015 г. : у 2 ч. Ч. 1 / пад рэд. Г.М. Бутырчык. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2015. – С. 376–382.

35. Крикливец, Е. В. Постигание сущности национального характера в русской и белорусской «деревенской прозе» / Е. В. Крикливец // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы II Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 19–20 лістап. 2015 г. / Віцеб. дзярж. ун-т ; рэдкал. : Г. А. Арцямёнак (адказ. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – С. 198–201.

36. Крикливец, Е. В. Особенности художественного осмысления военных событий в повестях В. Астафьева и В. Быкова / Е. В. Крикливец // Запечатленная Победа: ключевые образы, концепты, идеологемы (Литературные события и феномены XX века) : материалы международной конференции, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Воронежский университет. – Санкт-Петербург – Воронеж, 2016. – С. 162–165.

37. Крикливец, Е. В. Рецепция фольклорно-мифологических традиций в прозе русских и белорусских писателей второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXI (68) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 11–12 февр. 2016 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – Т. 1. – С. 131–133.

38. Крикливец, Е. В. Фольклорно-мифологические мотивы в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 15 февр. 2018 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 1. – С. 165–166.

39. Крикливец, Е. В. Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской военной повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Эхо войны в творчестве современных русских и русскоязычных писателей : сборник докладов международной литературной научно-практической конференции. – Минск : Литературный свет, 2018. – С. 89–98.

40. Крикливец, Е. В. Повесть-притча в русской и белорусской прозе второй половины XX века / Е. В. Крикливец // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы III Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 20–21 лістап. 2019 г. / Віцеб. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Г. А. Арцямёнак (адказ. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2019. – С. 172–176.

41. Крикливец, Е. В. Антиутопический дискурс русской и белорусской повести второй половины XX века / Е. В. Крикливец // материалы 72-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 20 февр.

2020 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 138–139.

Учебно-методические издания

42. Крикливец, Е. В. Русская и белорусская литературы второй половины XX века: теория и практика сравнительного анализа : методические рекомендации / Е. В. Крикливец. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – 39 с.

43. Крикливец, Е. В. История русской литературы второй половины 1950-х гг. – конца XX века. Современная русская литература / Е. В. Крикливец // Русская литература: история и современность : сборник учебно-методических комплексов по дисциплинам для специальностей филологического факультета / сост. Е. В. Крикливец [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 211 с.

44. Крыклівец, А. У. Гісторыя беларускай літаратуры другой паловы XX стагоддзя. Гісторыя беларускай літаратуры канца XX – пачатку XXI стагоддзя / А. У. Крыклівец // Беларуская літаратура: гісторыя і сучаснасць : зборнік вучэбна-метадычных комплексаў па вучэбных дысцыплінах для спецыяльнасці 1-21 05 01 Беларуская філалогія / склад. А. У. Крыклівец [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2020. – 127 с.

РЕЗЮМЕ

Крикливец Елена Владимировна

Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект

Ключевые слова: русская проза, белорусская проза, сравнительно-типологический анализ, жанрово-стилевая модификация, повесть, реализм, неореализм, модернизм, стилевые течения.

Цель исследования: выявить особенности жанрово-стилевой модификации повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века в сравнительно-типологическом аспекте.

Методы исследования: сравнительно-типологический, культурно-исторический.

Полученные результаты и их новизна. Диссертационная работа является первым в российском и белорусском литературоведении сравнительно-типологическим исследованием жанрово-стилевой модификации повести во второй половине XX века. В диссертации разработана концепция изучения жанрового своеобразия и жанровых границ повести, на основании которой представлена модель (инвариант) жанровой структуры повести; установлена жанровая парадигма повести в русской и белорусской литературах исследуемого периода. Типологические особенности жанровой модификации русской и белорусской повести выявлены в стилевом поле реализма и модернизма и в интеграции художественных методов. Определены социально-исторические и культурные факторы, обусловившие национальное своеобразие русских и белорусских повестей во второй половине XX века. Раскрыт процесс взаимодействия белорусской национально-культурной парадигмы с аксиологическим пространством русской литературы.

Рекомендации по использованию и область применения. Результаты исследования представляют интерес для дальнейшего изучения русско-белорусских литературных взаимосвязей, в частности, жанрово-стилевой модификации прозы второй половины XX века. Разработанные в диссертации подходы к анализу жанровой специфики повести могут использоваться как алгоритм для изучения этого жанра как в творчестве конкретных авторов, так и в контексте национальной литературы определенного периода. Сделанные в работе выводы могут повлиять на развитие отечественной жанрологии и скорректировать представление о стилевой динамике русской и белорусской литератур второй половины XX века. Будучи опубликованной в форме монографии, диссертация стала коммерческим продуктом на рынке образования. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе учреждений высшего и среднего образования.

РЭЗІЮМЭ

Крыклівец Алена Уладзіміраўна

Жанрава-стылёвая мадыфікацыя аповесці ў рускай і беларускай рэалістычнай і мадэрнісцкай прозе другой паловы XX стагоддзя: параўнальна-тыпалагічны аспект

Ключавыя словы: руская проза, беларуская проза, параўнальна-тыпалагічны аналіз, жанрава-стылёвая мадыфікацыя, аповесць, рэалізм, неарэалізм, мадэрнізм, стылёвыя плыні.

Мэта даследавання: выявіць асаблівасці жанрава-стылёвай мадыфікацыі аповесці ў рускай і беларускай рэалістычнай і мадэрнісцкай прозе другой паловы XX стагоддзя ў параўнальна-тыпалагічным аспекце.

Метады даследавання: параўнальна-тыпалагічны, культурна-гістарычны.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Дысертацыйная праца з'яўляецца першым у расійскім і беларускім літаратуразнаўстве параўнальна-тыпалагічным даследаваннем жанрава-стылёвай мадыфікацыі аповесці ў другой палове XX стагоддзя. У дысертацыі распрацавана канцэпцыя вывучэння жанравай своеасаблівасці і жанравых меж аповесці, на падставе якой прадстаўлена мадэль (інварыянт) жанравай структуры аповесці; устаноўлена жанравая парадыгма аповесці ў рускай і беларускай літаратурах доследнага перыяду. Тыпалагічныя асаблівасці жанравай мадыфікацыі рускай і беларускай аповесці выяўлены ў стылёвым полі рэалізму і мадэрнізму і ў інтэграцыі мастацкіх метадаў. Вызначаны сацыяльна-гістарычныя і культурныя фактары, якія абумовілі нацыянальную адметнасць семантыкі і паэтыкі рускіх і беларускіх аповесцей у другой палове XX стагоддзя. Раскрыты працэс узаемадзеяння беларускай нацыянальна-культурнай парадыгмы з аксіялагічнай прасторай рускай літаратуры.

Рэкамендацыі па выкарыстанні і галіна прымянення. Вынікі даследавання ўяўляюць цікавасць для далейшага вывучэння руска-беларускіх літаратурных узаемасувязей, у прыватнасці, жанрава-стылёвай мадыфікацыі прозы другой паловы XX стагоддзя. Распрацаваныя ў дысертацыі падыходы да аналізу жанравай спецыфікі аповесці могуць выкарыстоўвацца як алгарытм для вывучэння гэтага жанру як у творчасці канкрэтных аўтараў, так і ў кантэксце нацыянальнай літаратуры пэўнага перыяду. Прадстаўленыя ў рабоце высновы могуць паўплываць на развіццё айчыннай жанралогіі і скарэктываваць уяўленне пра стылёвую дынаміку рускай і беларускай літаратур другой паловы XX стагоддзя. Дысертацыя, апублікаваная ў форме манаграфіі, стала камерцыйным прадуктам на рынку адукацыі. Матэрыялы дысертацыйнага даследавання могуць быць выкарыстаны ў навучальным працэсе устаноў вышэйшай і сярэдняй адукацыі.

SUMMARY

Kriklivets Elena Vladimirovna

Genre and style modification of the novel in Russian and Belarusian realistic and modernist prose of the second half of the 20th century: comparative-typological aspect

Key words: Russian prose, Belarusian prose, comparative-typological analysis, genre-style modification, novel, realism, neorealism, modernism, style currents.

Study aim: to reveal the peculiarities of the genre-style modification of the novel in the Russian and Belarusian realistic and modernist prose of the second half of the 20th century in a comparative-typological aspect.

Study methods: comparative-typological, cultural-historical.

The results received and their novelty. The dissertation is the first comparative-typological study of genre and style modification of a novel of the second half of the 20th century in Russian and Belarusian literary criticism. The concept of the genre originality and genre boundaries of the novel has been developed, which forms a basis model (invariant) for the genre novel framework presented in the thesis; the genre paradigm of the novel is established in the Russian and Belarusian literature of the period under study. Typological features of the genre modification of the Russian and Belarusian novels are revealed in the stylistic field of realism and modernism and in the integration of artistic methods. The socio-historical and cultural factors that determined the national originality of the semantics and poetics of Russian and Belarusian novels in the second half of the 20th century are determined. The process of interaction of the Belarusian national-cultural paradigm with the axiological space of Russian literature is revealed.

Recommendations for application and the sphere of application. The outcomes of the dissertation are relevant for further study of Russian-Belarusian literary interrelations, in particular, genre and style modification of prose of the second half of the 20th century. The approaches developed in the dissertation to the analysis of the genre specificity of the novel can be used as an algorithm for studying this genre, both in the work of specific authors and in the context of the national literature of a certain period. The conclusions presented in this paper may contribute to the development of the Belarusian theory of genre and correct the idea of style dynamics of Russian and Belarusian literature of the second half of the 20th century. Published in monograph form, the dissertation has become a commercial product in the education market. The materials of the dissertation research can be used in the educational and methodical work at institutions of higher and secondary education.